

Александр Хинштейн: «Я привык к недремлющему оку Большого Брата»

Брать интервью у бывшего журналиста непросто – сам кого хочешь разговаривает. Но коллега ещё и депутат, и почётный работник прокуратуры, и эти обстоятельства тоже не облегчают задачи, скорее заставляют собеседника проявлять осторожность. Но всё же разговор получился весьма откровенным..

– Александр Евсеевич, не смущает прилипшее к вам определение – «скандальный журналист»?

– Обычно так говорят люди, мне не симпатизирующие. И это понятно. Я много лет занимался активной журналистикой – а журналистику я делю на пассивную и активную, то есть на ту, которая создаёт новости, и ту, которая эти новости транслирует, – и многие мои публикации становились поводом для уголовных дел в отношении чиновников самых высоких рангов. А всякое действие рождает противодействие. Так, в своё время пресс-секретарь правительства Игорь Шабдурасулов запустил термин «сливной бачок» сразу после публикации моего интервью с начальником отдела службы безопасности президента Валерием Стрелецким о коррупции в окружении премьера Черномырдина. Если говорить о «скандальности», то в моём случае она относится не ко мне, как к человеку и журналисту, а к реакции на мои выступления. В этом смысле разница между «скандальным» журналистом и журналистом, формирующим эти скандалы, такая же, как между уголовником и сотрудником уголовного розыска.

– Вы однажды сказали, что, «выбирая политику и власть, надо

быть готовым к тому, что придётся обособиться от внешнего мира и забыть о праве на личную жизнь». Вы были готовы к этому, придя в политику?

– Это давалось непросто, но я ещё с юности свыкся с мыслью, что нахожусь под постоянным контролем. Впервые столкнулся с этим, прочитав сводки наружного наблюдения за собой в 1999 году, когда прокуратурой была изъята база данных службы безопасности группы «Мост», организовавшей слежку за известными политиками, бизнесменами и журналистами. Читал и сводки прослушивания моих телефонных разговоров, это была разработка по приказу главы МВД Владимира Рушайло, о котором я в то время много писал. С тех пор и привык к недремлющему оку Большого Брата и понял, что, например, по телефону не нужно обсуждать ничего, что ты не мог бы сказать с экрана телевизора.

– Одна из ваших книг, «Олигархи с большой дороги», рассказывает о Березовском и Абрамовиче. Покойного Березовского до сих пор называют серым кардиналом Кремля, Абрамович же в политику не лез и жив-здоров до сих пор. Ему не хватило авантюризма Березовского или Роман Аркадьевич просто оказался умнее?

– Это и так и не так. Книгу, кстати, я издал ещё при жизни Березовского, у нас же с ним долгая «love story», я начал писать о нём в «МК» с 1998 года, когда он ещё был в силе. Так вышло, что я оказался невольным виновником очередного этапа антиолигархической войны при правительстве Примакова – после моих публикаций было возбуждено как минимум два уголовных дела. 20 января 1999 года я напечатал статью о деятельности частного охранного предприятия «Атолл», которое вело незаконную слежку за многими представителями элит, включая членов «семьи». За год до этого сотрудники РУБОП Москвы во время обыска изъяли там огромное количество спецтехники и кассет с записями, но по приказу генерала Рушайло эти материалы были возвращены обратно. После моей публикации прокуратура возбудила уголовное дело, и в десятках

подконтрольных Березовскому и Абрамовичу структурах начались обыски. Березовский находился в то время в Киеве, он вылетел в Москву, но, узнав о последних событиях, приказал развернуть самолёт прямо в воздухе.

– Вы предполагали, что ваша статья вызовет такой резонанс?

– Честно говоря, нет... Мне всегда интересно не просто воспроизводить какую-то историю, но и анализировать её, разбираться в существующих клише, стереотипах. Про Березовского говорили, что он – «крёстный отец Кремля». Это изрядное преувеличение, сформировавшееся не без участия самого Бориса Абрамовича, тщеславие которого не знало границ и порой превалировало над здравым смыслом. Это из серии «не быть, а слыть». Березовского называли «удачливым предпринимателем», но все его проекты в конечном счёте лопались. Перед смертью он был уже банкротом, распустил прислугу, распродал вещи, и зять ежемесячно переводил ему на карточку десять тысяч долларов. Вот Абрамович – тот как раз настоящий бизнесмен, для которого политика никогда не была органичной средой, он воспринимал её лишь как вынужденную необходимость. Да, знакомство с Березовским открыло ему путь в высшую лигу, но в какой-то момент он сменил Бориса Абрамовича в «семье» в качестве человека, отвечающего за бизнес-процессы. В отличие от Березовского Роман Аркадьевич всячески избегал публичности, и до 1999 года даже его фотографии никто не видел. И по сей день в его биографии есть «белые пятна» – например, никто не может точно сказать, какой институт он окончил. При такой склонности Абрамовича к секретности до сих пор не понимаю, почему истории с покупкой «Челси» и океанских яхт наделали столько шума. Безусловно, он богатый человек, но, думаю, основная часть активов, приписываемых ему, принадлежит совсем другим людям. Ну а что дальше случилось с этими персонажами, уже известно – того уж нет, а тот далече...

– Вы ведь в своё время редактировали мемуары экс-председателя КГБ Ивана Серова, вышедшие в 2016 году под названием «Записки из чемодана»?

– Вчитываясь в дневниковые записи и черновики Серова – а там порой встречается четыре варианта одного и того же события, – невольно начинаешь смотреть на нашу историю совсем другими глазами. Серов – единственный, кто последовательно возглавлял две советские спецслужбы (КГБ и ГРУ), был первым председателем КГБ СССР и доверенным лицом Хрущёва, получил звезду Героя за взятие Берлина по представлению маршала Жукова, а после победы был оставлен Сталиным в Германии, где организовал поиск секретного ракетного производства и доставку немецких спецов в Москву. Серов оказался единственным руководителем НКВД, кто в годы войны был на передовой и поднимал бойцов в атаку, и в 1942 году во многом благодаря ему удалось не сдать часть Кавказа. Но есть и другая, куда более мрачная часть биографии Серова: он участвовал в депортациях, включая первую депортацию немцев Поволжья, велика его роль в венгерских событиях 1956 года. Серов, «военная косточка», был жёстким руководителем, не ставящим под сомнение приказы и выполнявшим их любой ценой. Вот деталь: рассказывая в Комиссии партконтроля о своём участии в депортациях, он говорил, что выполнял прямые указания Сталина и Берии и не мог противоречить им.

– Вы имели доступ и к личному архиву Брежнева, к его дневникам?

– Это даже не дневники, а скорее разрозненные записи, пометки о событиях и людях. В тот момент они находились в спецхране президентского архива. Когда читаешь это последовательно, видишь постепенное развитие, а потом, увы, и деградацию личности. Первые записи датированы 1944 годом, когда Брежнев участвовал в создании марионеточного советского правительства в Закарпатье. Сначала в дневнике масса подробных описаний военных событий, потом, уже в бытность секретарём ЦК, Брежнев много пишет о Хрущёве: «Никита Сергеевич меня похвалил», «Никита Сергеевич сегодня рассказал» и прочее. Но позже тональность меняется, ты видишь, как человек постепенно угасает. И если ещё год назад Брежнева действительно интересовали вопросы развития государства, то теперь волнует,

как изменился его вес после плавания и что сказал врач. А в день, когда было принято решение о вводе войск в Афганистан, этому событию посвящено всего несколько слов – куда меньше, чем о здоровье сына Юрия и о хоккейном матче. Знаете, тогда я понял: времена меняются, а люди, нравы и отношения внутри элит остаются прежними.

– Вашей первой книгой стал выпущенный в 2002 году детектив «Какого цвета страх» о «беспредельных» девяностых. Нет ощущения, что те времена никуда и не уходили?

– Нет, это было совсем другое время, когда обесценилась сама человеческая жизнь, а государство самоустранилось от жизни общества, бросив его на произвол судьбы и допустив, чтобы кучка олигархов захватила управление государственными процессами и целыми отраслями. Многие мои публикации времён девяностых – это как раз попытка добиться справедливости там, где государство от этого ушло. Посмотрите, за все годы правления Ельцина, помимо Валентина Ковалёва, получившего семь лет условно, из членов правительства был арестован только глава Госкомстата Юрков и его заместитель, да и то дело развалилось в суде. Любой мошенник мог надеть на себя мундир, в Думу «на руках» внесли Мавроди, судимые «авторитеты» заседали в парламенте... Я не говорю, что сейчас нет проблем, – увы, «чёрных пятен» хватает всегда.

– Вас иногда упрекают в сотрудничестве со спецслужбами...

– В девяностые для многих честных офицеров спецслужб общение с журналистом порой было единственным способом добиться справедливости. Вот после известных событий с «коробкой из-под ксерокса» разгоняется служба безопасности президента. Естественно, её сотрудникам было обидно, что их работа перечёркнута одним махом. От этих людей я и получил записи разговоров Чубайса и Илюшина, из которых следовало, что именно они отправляли в «Президент-отель» набитые долларами коробки. Люди из ФСБ, МВД и других силовых структур передавали мне документы, ложившиеся в основу журналистских расследований.

Сегодня у силовиков другой перекося: они не «в загоне», как в девяностые, нынче другая крайность. Но коррупционных разоблачений много, и если в девяностые я мог перечислить вам имена всех губернаторов и генералов, привлечённых к ответственности, то сейчас посаженных на нары воров самого высокого ранга так много, что всех и не упомнишь.

– А не было обидно, что, например, расследования по «шалостям» Касьянова и Зурабова не кончились посадками?

– Не могу сказать, что всё заканчивалось «никак». Незаконно полученную дачу в Сосновке у Касьянова отобрали решением суда, было возбуждено и уголовное дело, правда, в отношении не Касьянова, а трёх других фигурантов, да и до суда это дело не дошло за истечением срока давности. Но публичная карьера Касьянова политика отныне стала невозможной, была окончательно подорвана его и без того небезупречная репутация. То же и с Зурабовым – я много писал о его «фокусах», вскрывал схемы воровства и рад, что удалось остановить сомнительные прожект, касавшиеся социальной реформы и реформы здравоохранения. Его соратник, глава федерального Фонда медицинского страхования Андрей Таранов, тогда получил реальный срок – семь лет – вместе с тремя заместителями и тремя начальниками управлений. Как раз во время ареста Таранова Зурабов выступал на трибуне Госдумы, и я его спросил: «Как бы вы прокомментировали задержание вашего партнёра Таранова?» Тогда я впервые увидел растерянность на лице этого всегда невозмутимого человека – известие об аресте «соратника» стало для Зурабова настоящим шоком.

– В 2018 году у вас вышла антиутопия «Конец Атлантиды. Почему Путин никогда не станет Горбачёвым». Другая «антиутопическая» книга называется «Почему Брежнев не смог стать Путиным». Учитывая последние конституционные веяния, не боитесь, что следующую книгу придётся называть «Почему Путин стал Брежневым»?

– Надеюсь, этого не случится. Путин, в отличие от Брежнева, не

отрывается от реальности, он уже много лет остаётся самым популярным политиком и одним из самых влиятельных мировых лидеров. Не идеализирую Путина, он живой человек. Но в своей книге я как раз и пишу, что для оценки роли личности в истории полезно использовать библейский принцип «узнай его по плодам его». Знаете, как говорят китайцы: неважно, какого цвета кошка, важно, чтобы она ловила мышей. Если смотреть с позиций дня сегодняшнего, то в новейшей истории Путин оказался одним из трёх лидеров, не «топтавших» своего предшественника. До него это был Сталин, не «топтавший» Ленина, и Брежнев, не «растоптавший» насмерть Хрущёва. Но в отличие от правителей-революционеров, Путин скорее «эволюционер». Посмотрите, Россия образца 2000, 2010 и 2020 годов – формально одна и та же Россия, хотя это уже совсем другая страна, притом что базовые ценности остались прежними.

– Коснёмся модной нынче темы отравления Навального. Что это было?

– Я много лет занимался историей спецслужб и сомневаюсь, что сегодня кто-то официально дал «добро» на такую бессмысленную операцию. Не верю и в историю с «отравлением» Скрипаля и не знаю, кому бы у нас пришло в голову травить этих «неуловимых Джо». Кстати, ядов в арсенале тех же американцев больше, чем у нас, и уж поверьте, ассортимент боевых отравляющих веществ у них куда разнообразнее.

– Ещё одна животрепещущая тема – война в Нагорном Карабахе...

– Увы, карабахский конфликт стал наглядной иллюстрацией к моей книге «Конец Атлантиды», где одна из глав посвящена роковым ошибкам в национально-территориальном построении СССР. Все горячие точки на карте страны конца 80-х годов были следствием и отражением бурной деятельности архитекторов СССР, создававших национальные республики для максимального расширения влияния советской власти под соусом мировой революции, без учёта межнациональных особенностей: Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия, Ош. Прямое следствие

лихих экспериментов с политической географией – и «карабахский узел», возникший вследствие того, что территорию, заселённую преимущественно армянами, включили в состав Азербайджанской ССР. С 1987 года проблему довели до «цугцванга», когда любой последующий ход только ухудшал положение дел, а сейчас ситуация и вовсе патовая. Понятно, что военного решения проблемы Арцаха нет, и Россия должна выступать гарантом стабильности в этом важном для нас регионе.

– Спрошу как главу думского Комитета по информационной политике – как бы вы оценили уровень современной журналистики?

– Журналистики в классическом понимании сегодня уже нет. Вернее, она есть, но наряду с ней появились соцсети, блогосфера во всех её формах, телеграмм-каналы, чаты в мессенджерах, по охвату аудитории способные дать фору любому профессиональному изданию. Как ни печально признавать мне, газетчику, но печатная журналистика теряет своё превосходство, равно как и традиционные ТВ и радио. Однако «бумажные газеты» ещё долго будут сосуществовать с электронными изданиями, хотя бы в силу сложившихся традиций.

– Для пожилых москвичей выпускалась газета «Московское долголетие», выходящая в рамках одноимённого проекта мэрии. В начале года выпуск из-за пандемии приостановили, а ведь многие пожилые люди не освоили интернет и «бумажная» пресса оставалась для них важным источником информации...

– Ещё в июле я направил обращение в адрес правительства Москвы с просьбой продлить меры поддержки этой газеты. Пока окончательного решения нет. Безусловно, такое издание нужно пенсионерам. Но с чем не соглашусь – что люди старшего возраста не сидят в интернете. Моему отцу 91 год, а он разбирается в компьютерных премудростях куда лучше меня.

– Сейчас вы больше ощущаете себя депутатом, чем журналистом?

– Журналистика – моя профессия, депутат – должность. Сегодня я депутат, завтра – не депутат, а вот журналистом в любом случае

останусь.

– У вас много наград. Какая из них самая-самая?

– Горжусь тем, что мой журналистский труд дважды отмечен премией Артёма Боровика. К Артёму всегда относился с огромным уважением. Когда в 2005 году мне вручали на балу прессы «Золотое перо России», я напомнил, как пятью годами раньше, тоже в день бала российской прессы, у здания МВД проходил митинг в мою защиту – руководство МВД тогда объявило меня в розыск в отместку за критические публикации. Артём тоже выступил на этом митинге, а потом приехал на бал прессы и призвал коллег поддержать меня. На медали премии Артёма Боровика есть такие слова: «Если журналист смог сказать правду – жизнь его не прошла даром». Надеюсь, моя жизнь даром не прошла, хотя она ещё, слава Богу, не идёт под горку...

– Что бы вы назвали самой большой неудачей и самой большой удачей в вашей жизни?

– Ну, мне ещё рано подводить такие итоги. Верю, что самая большая удача впереди, а неудача – уже позади.

– Какое своё качество вы назвали бы самым сильным, а от какой черты характера хотели бы избавиться?

– Возможно, самая сильная моя сторона – стремление доводить начатое до конца. Мне интересен не процесс, а результат, и важно не просто написать «заметку про нашего мальчика», а показать, что произошло с этим «мальчиком». Если он жертва произвола – чтобы вышел на свободу. Если он коррупционер и издоимец – чтобы отправился за решётку. И сейчас, когда люди обращаются ко мне, не ограничиваюсь депутатским запросом, стараюсь в «ручном режиме» добиться конкретного результата. А недостатков у меня хватает – например, не будь я таким ленивым, сделал бы куда больше.

– Вас можно назвать состоявшимся человеком – дом построили, дерево посадили, книги написали, сыновей родили... Уже даже и

помечтать не о чем?

– Конечно, у меня есть мечта, но пока это секрет. А что касается дома – я помог построить не один дом, когда занимался проблемами обманутых дольщиков, и за эти годы по всей стране в сотнях домах получили жильё более 230 тысяч семей. Тешу себя надеждой, что, в случае чего, всегда смогу найти кров.

– Если бы оба ваши сына решили стать журналистами, что бы вы им посоветовали?

– Я бы сказал, что репутация формируется годами, а рушится за минуту и своим честным именем надо дорожить. Пишешь – пиши так, чтобы никогда не было стыдно за написанное. Да, я мог ошибаться в каких-то оценках и фактах, но могу точно сказать – я всегда делал свою работу искренне.

Григорий Саркисов